

A man in a dark coat and hat walks away from the viewer down a long, straight dirt road. The road is flanked by green grass and yellow fields. In the distance, there are blue mountains under a sky with soft, white clouds. The overall mood is contemplative and serene.

**Я ПО ЗЕМЛЕ
ХОДИЛ ЛЕГКО
(ЛИРИКА)**

Василий Оглоблин

Василий Оглоблин

Я по земле ходил легко (лирика)

«Автор»

2026

Оглоблин В. Д.

Я по земле ходил легко (лирика) / В. Д. Оглоблин — «Автор»,
2026

Поэзия Василия Оглоблина светлая и высокая, нутряная, органичная в мыслях и словах, естественная, очень непосредственная. В ней нет натуги, она светла и добра не потому, что такой хочет быть, а потому, что изначально светел взгляд поэта на мир и человека и изначально добры его чувства и помыслы. Поэзия эта всегда - даже когда её сюжеты печальные и прямо трагические питается любовью. И это, наверное, самое главное. Это больше всего и порождает в читателе доверие к поэзии, сердечное к ней сочувствие и ответный отклик. Василий Оглоблин в своих стихах идет от своего жизненного опыта и прямых жизненных впечатлений. Это очень заметно и накладывает на стихи Василия Оглоблина особенный и очень сильный отпечаток.

© Оглоблин В. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Я ПО ЗЕМЛЕ ХОДИЛ ЛЕГКО	6
УТРО	7
ВСЕ СЛУЧИЛОСЬ КАК В РАДОСТНОМ СНЕ	8
ТЫ ТОЛЬКО РАЗ БЫЛА МОЕЙ	9
ОТ НЕГО ОПЯТЬ НИ ЗВУКА	10
ВЕЧЕР	11
Я ТОНУЛ В НИАПЕ И В ДЕСНЕ	12
МОЛНИЯ	13
ГУСИ	14
БОЯРКА	15
ТЫ НА ТО НИКОГДА НЕ СЕТУЙ	16
ВЕЧЕРНИЕ ПОЕЗДА	17
Я ЧАСТО, ЧАСТО ДУМАЮ О ВАС	18
ВАНЯ	19
ЛИСТОПАД	21
АИСТЕНОК	22
ПРОЩАНИЕ НА ОЗЕРЕ БАННОМ	23
МУЗЫКА БРАМСА	25
У МАГАЗИНА "ХИРУРГИЯ"	26
ПОД ЛУННЫМ СИЯНИЕМ	28
ХОЛМЫ ИРКЛЕЕВА	29
СТИХИ О МОЕЙ ЛЮБИМОЙ	30
ЕЁ ГЛАЗА	30
ЕЁ РУКИ	31
ЕЁ ГОЛОС	32
И ЧТО ПОДЕЛАЕШЬ?	33
В ЛЮБВИ МЫ ЧАСТО ТАК НЕСОВЕРШЕННЫ	35
А ТЫ ПИСЬМА НЕ ЖДЕШЬ НАВЕРНЯКА	36
ОПЯТЬ, ОПЯТЬ РУЧЬИ БЕГУТ	37
МЫ ЕЩЕ ПОЖИВЕМ	38
ТРОПКА	39
КОГДА КУРАНТЫ ПОЛНОЧЬ БЬЮТ	40
ЗАРНИЦЫ	41
Я ИДУ. ВДЫХАЮ ДУХ ЕЛОВЫЙ.	42
ТЫ ВСЯ ДЛЯ ГЛАЗА	43
ГЛУБИНА	44
НА ПОКОСЕ	45
ДОЖДИНКА	46
ПОСЛЕ ГРОЗЫ	47
СНЕГОПАД	48
КАК ТЫ ТАМ?	49
И ВСЕ НЕУТОЛИМЕЙ ЖАЖДА ЖИТЬ	50
ОТ ЖИЗНИ МНЕ НИ ПОНЮШКИ НЕ НАДО	51
ЖИВИ, ВО ВСЕМ ЖИТЕЙСКОМ РАСТВОРЕН	52
ЖИЗНЬ СТРАШНУЮ ПРОЖИЛИ МЫ	53
БОЛЬШАЯ РЫБА ЗЕРКАЛО ПРУДА	54

ТАЕТ СНЕГ	55
ЭТЮД	56
АВГУСТ РЯСНЫМИ РОСАМИ	57
ПТИЧНИЦА ДАША	58
КАТАЛЬПА	59
УЖЕ И ЛУГ ОСЕННИЙ ПУСТ	60
КОЛОДЕЦ ТЕМНЫЙ – ЖЕНСКАЯ ДУША	61
ЛЮБИТЬ ДО СМЕРТИ НЕ ЗАЗОРНО	62
СПЕШИ ЛЮБИТЬ	63
ПРОШЛА, ЗАЗЫВНО УЛЫБАЯСЬ	64
ВОТ И СГАСЛИ НА ПАЖИТЯХ РОСЫ	65
ОЛЬШАНКА	66
СИРЕНЬ	67
ЕСТЬ СВЕТЛАЯ РАДОСТЬ В ПЕЧАЛИ	68
ОПЯТЬ ЗАПАХЛО СНЕГОМ ТАЛЫМ	69
ПЕСНЯ	70
В ЗНОЕ ГОРЕЧЬ СКОШЕННОЙ ПОЛЫНИ	71
ИЮЛЬ БЕЗГРОЗЫЙ НА ИСХОДЕ	72
МЕСЯЦ ЛОМТЕМ ДЫНЬКИ	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Василий Оглоблин

Я по земле ходил легко (лирика)

Я ПО ЗЕМЛЕ ХОДИЛ ЛЕГКО

Я по земле ходил легко,
Не топая, не шаркая.
"Пойдет он очень далеко", -
Завистливые каркали.
Друзья твердили горячо:
"Талантлив, дело ладное,
Да ведь талант – еще не все,
И жизнь – не песня складная..."
И я пошел.
Невесело
Житье на ощупь пробуя.
И шишки больше весили,
Чем я в штанах и в обуви.
Пронырливые бездари
Обзаводились дачами,
А я, избитый бедами,
Смирялся с неудачами.
Дал душу на заклятие,
Поденным к Музе нанялся.
И никому не кланяюсь,
И никогда не кланялся.
Видавший все на свете,
Кромешный ад и бой,
Слов не бросал на ветер,
И был самым собой.
Наград больших не заслужил,
Не знаю вкуса лести,
Не потерял, хоть горько жил
Ни совести, ни чести.
Пусть все мое имущество -
Вдолг купленная "эрика",
Но слышат пусть имущие,
Как я ликую:
– Эврика!
Не все вошло, что сеялось,
Нетучным колос вымахал.
Что по ветру рассеялось,
А что в ненастье вымокло.
И финиш, знать, недалеко,
И стынет сердце жаркое -
Я до конца пройду легко,
Не топая, не шаркая.

УТРО

Явор ли зорька умыла,
Вишни ли начали цвести -
Пеной душистого мыла
Садик забрызгало весь.

Вспыхнул цветок на опушке
Возле кудрявой сосны.
Звонко пробила кукушка
Алое утро весны.

ВСЕ СЛУЧИЛОСЬ КАК В РАДОСТНОМ СНЕ

Все случилось как в радостном сне:
Блики солнца на медной сосне,
Да пропахшие зноем цветы,
Да как песня залетная ты.

Я сказать ничего не успел.
Соловей лихорадочно пел,
Да улыбка в очах расцвела,
Да тропинка куда-то вела.

Ты ушла в первотравье весны.
Ты ушла, не оставив следа.
Лишь остались тревожные сны
Навсегда,
навсегда,
навсегда.

ТЫ ТОЛЬКО РАЗ БЫЛА МОЕЙ

Ты только раз была моей...
Был вечер мятою настоян
Летала песня косарей
В густом и душном травостое.
Дохнуло близкою грозой
Из тучи в огненных опалах.
Твоей беспомощной слезой
Дождинка первая упала.
С тех пор стояло столько дней
В тревожном сердце на постое,
Но ни один из них не стоит
Того заката, тех огней.
И лишь с годами всё больней,
Всё ярче в снах моих измятых
Живут тропинка, запах мяты,
И ты,
и песня косарей.
Ты только раз была моей.

ОТ НЕГО ОПЯТЬ НИ ЗВУКА

От него опять ни звука,
Ни открытки, ни звонка.
Продолжается разлука
Не минуты, а века.
Опустила шторы рано.
И как будто невзначай
Не в один, а в два стакана
Разлила вечерний чай.
Вздохом люстру погасила,
Замерцал ночной плафон.
Взглядом медленным косила
На оглохший телефон.
Робко плечи оголила,
Молча слушала метель,
Очень медленно стелила
Одинокую постель.
Любит?
Бросил?
Этих справок
Тишина не смеет дать.
Просто есть святое право
У любви -
любить
и ждать.

ВЕЧЕР

Дунуло свянувшим зноем,
Тень поползла от скирды,
Месяц скользит над волною
В темной прохладе воды,
Дальняя песня тоскует -
Девушки с поля идут.
Тихую радость такую
Где я для сердца найду?
Радость с молитвенной грустью
Под шепотки камыша
С многострадалицей Русью
Свято сольется душа
Выйду на берег.
Под ивой
Сяду один, посижу,
Просто немножко счастливый
Тем, что живу и дышу,
Тем, что в душе убережь я
Нежность к живущему смог...

Сонное стадо в заречье
Щиплет молочный дымок.

Я ТОНУЛ В НИАПЕ И В ДЕСНЕ

Я тонул в Ниапе и в Десне.
В страсти обновляющей тонул я.
Но всегда к запретной глубине
Сердце обнаженное тянуло.

Тяга та по-прежнему во мне,-
Не терплю уздечек и поводьев. -
Лучше, утонуть на глубине,
Чем плескаться в мутном мелководье.

МОЛНИЯ

Люблю в грозу на молнии смотреть.
Такое в небе грозное творится!
Знать, хорошо стремительно сгореть
И в бесконечной бездне раствориться.

А наша жизнь -
Не молнии ль сестра,
Не миг ли, данный Вечностью подарком?
Но если жизнь как молния быстра,
То пусть она
Такой же станет
Яркой.

ГУСИ

Ни туманов еще вечеровых,
Ни похмурых осенних расцветок -
На закатах приносят коровы
Терпкий запах молочного лета.

Вспышки зорь в наволоку ныряют,
Краски выцветив ярче и гуще.
Но доспевшие перья теряя,
Приподняться пытаются гуси.

Тесноваты им стали затоны,
Пестроцветная рябь перелесин,
Захотелось им в выси бездонной
Шаловливо надщипывать месяц.

Гуси, гуси...
А в думах – тревога,
Непонятная сердцу покамест,
И в зазывные дали дорога
Голосистыми
кличет
гудками.

БОЯРКА

С чем же взгляд этот грустный сравнить мне,
Эту свежесть некрашенных уст?..

Паутинок серебряных нити
Кушаком опоясали куст.
Гаснут клены.
И только боярка
На опушке пылает лесной.
И цвела она вроде неярко,
Не томила красотой в зной,
Не грустила листвою поределой.
Но, почуяв нутром холода,
Встрепенулась и ярко зардела,
И от прежней ее – ни следа:
Вызывающе смотрит на лужи,
Наряжает себя по утрам
И смеется в лицо неуклюжим
Отсыревшим и низким ветрам.
И на зависть нагим красноталам
Снегопады встречает в цвету...

Ты в своей красоте запоздалой
Мне боярку напомнила ту.

ТЫ НА ТО НИКОГДА НЕ СЕТУЙ

Ты на то никогда не сетуй
И глаза не гаси слезой,
Что когда-то, в начале лета,
Опалило тебя грозой.

Я в народе слышал примету
И поверил примете той:
Если с грозами было лето -
Осень выдается
Золотой.

ВЕЧЕРНИЕ ПОЕЗДА

Я никуда не уезжаю.
Мне суета не по годам.
И все ж, парадно наряжаясь,
Хожу к вечерним поездам.
И все ищу вагон, в котором
Сквозь зыбкий лунный полусвет
За чуть приспущенною шторой
Мелькнет знакомый силуэт.
И все мне кажется, что где-то
Она спешит, и вот сойдет,
В одежды белые одета,
И в толчее меня найдет.
Но проплывают мимо окна,
Пустеет темная скамья,
На полустанке зябко мокнут
Фонарь,
береза,
пес
и я.
И вновь, пришедший из тумана,
Уйду я, сгорбившись, в туман,
До мук уставший от обмана
И свято верящий в обман.

Я ЧАСТО, ЧАСТО ДУМАЮ О ВАС

Я часто, часто думаю о вас,
То радостно, возвышенно, то горько...

Поджарый клен в сугробине увяз,
Как будто хочет подскользнуться с горки.
Забавный клен.
Кора на нем не та,
И на ветвях – иссушины зачаток.
Не так страшны отпетые лета,
Как их неизгладимый отпечаток.
Я из окна смотрю на этот клен.
Он раны незажившие бережит.
Ведь как и я, он ветром прокален,
А все по-молодому ивой бредит,
Как молодой в сугробине увяз,
К зазывной иве скатываясь с горки.
Гляжу на клен, а думаю о вас,
То радостно, то болестно, то горько.
Не потому, что я его двойник,
Не потому, что сердце под угрозой -
Я сердцем, обожженным не поник,
Оно всегда распахнуто на грозы,
Но потому, что горше нет беды,
Беды непоправимой в самом деле,
Когда любимым первые следы
Не росы окропляют,
А метели.

ВАНЯ

Когда сомлевшему закату
Расчешет волосы плетень,
И поползет от каждой хаты
В поля темнеющие тень -
Тогда опять укромной тропкой
По росам высыпавшим вброд
Идет на кручу он
И робко
Аккорды первые берет.

Еще слабы, нестройны звуки,
Мехов движения плавны,
Еще ни страсти, и ни муки -
Лишь ожидания полны.

Но вот,
На зов его ответом,
Будя дремотные леса,
С левад и улочек с приветом
Летят на кручу голоса.

Девчата шумно делят Ваню,
Девчата нежно к Ване льнут.
А вечер в соснах вянет, вянет,
А ночь сгущает пелену.
Уже на круче шумно, тесно.
Уже он бросил пальцы влёт.
Уже он весь в полете песни

И сам он
Песня и полёт.
И боль,
и страсть,
и вдохновенье.
Губу в порыве закусив,
О как велик он в откровеньи,
Как демонически красив!

Уже никем не обижаем,
Он ровня ухалям любим,
Он всеми нежно обожаем,
Он всеми бережно любим.
И кто-то просит:
—Ваня, с пер-р-цем-м-м!
И кто-то гаркнул:
— Шир-р-р-е круг!

Его тоскующее сердце
Перехватили сотни рук.
А полночь луннее и глуше,
А месяц – в россыпях шуги.
А травы шелковые глушат
Ушедших парочек шаги.
И – чу! -
По лунному разливу
Ночного воздуха поток
Доносит чей-то смех счастливый,
И вздох,
И страстный шепоток.

И он стремительно,
По-птичьи,
Очнулся, вздрогнул.
Никого.
Лишь верный Шарик морду тычет
В колени острые его.

Встает он трудно.
Как незрячий
Бредет по россыпям росы.
Но не поют уке, а плачут,
Кому-то жалуясь,
Басы.

ЛИСТОПАД

И опять мы вдвоем встречаем
Полыхающий листопад.
Ты не сетуй, что отвечаю
Все нескладно, да невпопад.

Я иную припомнил осень
И иных листопадов дым.
Был в ту пору я очень, очень
Беззаботным и молодым.

Улыбался я всем прохожим,
Лишь одну допьяна любя.
И была она так похожа
На красивую, на тебя.

Только разве синее очи
Да улыбки не так цвели...
Молодую в двенадцать ночи
Три эсэсовца увели.

Жгли огнем ее руки белые,
Был шарфюрер их дик и груб.
А ведь ласковых оробел я
Не касался и жаром губ.

Но не плакали очи синие,
Губы каменные свела
И под вздохи листвы осиновой
Безымянная умерла.

Отгremели шальные грозы.
Золотится в полях жнивье...
Оттого ты мне всех дороже,
Так похожая на нее.

АИСТЕНОК

Аистенок взлетел, значит, кончилось лето.
Алстенок парит далеко от гнезда.
Опустели поля, в придорожных кюветах
В маслянистом налете темнеет вода.

Аистенок летит.
По народным приметам -
Это – светлому лету – начало конца...
Сын влюбился уже, но ведь песня не спета,
Перелетная, поздняя песня отца.

ПРОЩАНИЕ НА ОЗЕРЕ БАННОМ

По преданию в озере вблизи Магнитогорска летом 1773 года "банил" своё войско Емельян Пугачев, народ назвал это озеро Банным.

– Прощайте!
– Прощайте!
– Забудете, да?
Все так необычно и странно...

На озере Банном темнела вода,
Фрегатик качался на Банном.
Был вечер от красок и запахов пьян.
Печально шумели березы.
И танго играл на площадке баян,
Прощальное -
"Поздние грёзы".

Мы нежно и грустно прощались с тобой.
Мы, за руки взявшись, молчали.
Вздыхал тяжело полусонный прибой,
Вечерние краски мальчали.
Потом обреченно истлела заря,
Звезда замерцала несмело.
Душа в этот вечер прощальный не зря
С природою вместе немела.

И в этой вечерней ущербной тиши
Внезапно слетела угрюмость.
Коснулись моей просветленной души
Простые и ясные думы:

Быть может вот тут,
У подножья горы,
Где сумерки мёрклые сжались,
Стояли вразброс полевые шатры
И кони башкирские ржали.
А здесь,
Где я нынче печальный стою
И с женщиной нежной прощаюсь,
Он думал тягучую думу свою,
В седле утомленно качаясь.
И в буйстве своем и в покое вольна,
С вождем рассуждая по-свойски,
У ног его билась со звоном волна
А в озере
банилось
войско.

Вздыхает волна.
Шелестят камыши.
Подернулись сумраком горы.
Почудилось мне,
Что в дремотной тиши
Раздался отеческий голос:
"Во, детушки, во,
И побанились.
Ась?
Ништо.
На вражину наскочим..."
Рука за казацкую саблю взялась.
И молнии высекли очи...

С той давней поры миновали века.
А горн
а небо,
а вечер -
всё те же...

Печальный стою у кустов ивняка,
Прощаюсь с возлюбленной,
Женщиной нежной.
– Прощайте!
– Прощайте!..
Но будут и встречи...
И будет к плечу приниматься плечо.
И будут иные любовные речи.
И песни какие споются еще!

Всё будет!
Иное янтарное лето
Со звоном подгорных хрустальных ручьев,
И вечное озеро Банное это,
Где войско купал
Емельян Пугачев.

МУЗЫКА БРАМСА

Заиграют Брамса -
Я заплачу.
Вспомню вечер дымно-голубой,
Стоны чаек, палубу и качку,
Горестно вздыхающий прибой,
И тебя на сереньком причале...

Надвигалась с запада гроза.
Нежность виновато излучали
Влажные прекрасные глаза.
Я все ждал.
Ни слова не сказала.
О причал дробились буруны.
Падала, но так и не касалась
Чайка белопенистой волны.

"Метеор" дрожал и содрогался.
Город помахал прощально нам.
А в салоне чем-то восторгался
И чему-то радовался Брамс.
Звуки плыли в синюю безбрежность,
Звуки заглушали шум винта.
И была в них ласковая нежность
И была такая чистота.

Я уплыл.
И ты меня забыла.
Но пройдут безжалостно года
И поймешь ты:
Это счастьем было,
Счастьем, ускользнувшим навсегда.
Без тебя я зря себя растрочу.
И любовь, и нежность -
Всё врасплёск...

Заиграют Брамса -
Я заплачу.
По-мужски,
Угрюмо и без слез.

У МАГАЗИНА "ХИРУРГИЯ"

Грозовые трещали разряды.
Солнце в траур закутала мгла.
Вся зарделась.
Презрительным взглядом
Из-под мокрых ресниц обожгла.
И ушла.

Магазин "Хирургия"
Все увидел глазами витрин:
Как рассыпались косы тугие
Под напорами жестких ветрин,
Как измученно плечи дрожали,
Наутюженный морщил жакет,
Как бессмысленно руки держали
Приготовленный к свадьбе букет.

На обочину тучи сползали,
Ослабляя напоры атак.
За витринами вещи сказали,
Обращаясь к нему:
"Как же так?"
"– Ты ж хирург, – оцетинились шприцы, -
Как посмел ты любовь оскорбить?
И в душе осиянной и чистой,
Осиянное счастье убить?.."

Оцетинились скальпели сталью:
"Как же так получилось?
Скажи,
Мы внезапно опасными стали,
Словно кнопочные ножи..."

"Как же так, -
Возмущались халаты,
Поднимая нестройный галдежь, -
В хирургические палаты
Как ты в нас, белоснежных, зайдешь?.."

Человек, по панели шагавший,
Модных песен уже не мычал.
Столько в жизни соривший и лгавший,
Он бледнел,
Он курил.
Он молчал.

Он метался как в клетке.

И странно -
Не позвал на подмогу обман...

Кто наносит жестокие раны
Никогда не излечит
От ран.

ПОД ЛУННЫМ СИЯНИЕМ

Ты стоишь у окна.
Виновато вздыхаешь:
"Не спится..."
Ты под лунным сиянием
По-детски наивно-чиста.
Из-под темных ресниц
Удивительным светом лучится
Просветленно и грустно
Весенняя сказка -
Мечта.

Мы всегда по весне
Возвращаемся к милому детству.
Мы, всегда по весне
Молодеем усталой душой...

Старый клен под окном
Поскорее спешит приодеться,
Чтобы старые шрамы
Укрыть под веселой листвой.

ХОЛМЫ ИРКЛЕЕВА

Холмы Ирклеева...

Все реже
Я к вам тропу свою торю.
Виденьем прошлого не брежу,
Забытых слов не повторю.
Полуседой и огрубелый,
Стою на той тропинке вновь,
Где отшумела платьем белым
Моя залетная любовь.
И я уже не тот, не прежний,
И песен прежних не сложу.
Не потому ль так нежно, нежно
С вершины в прошлое гляжу.
Ну, что же,
Было, значит, было:
Луна,
Подсолнух на меже.
Так лихорадочно любилося,
Как не полюбится уже.

СТИХИ О МОЕЙ ЛЮБИМОЙ

ЕЁ ГЛАЗА

Любимой глаза!..

Я видал такие
Однажды среди бессмыслицы снежной.
В них отражался горящий Киев,
Всех матерей и любимых нежность.
Кончено.
Так показалось вначале.
"Братцы, добейте, -
Молило тело, -
Милые, что же вы замолчали?.."
И вдруг -
Лихорадочно жить захотелось.
Над телом, искрученным как лоза,
Над волей, выдохшейся в изморе
Склонились живые ее глаза,
Такие безбрежные, словно море.
В них, жизнь обещающая, открылось мне
Всё:
Милосердие и участие,
И нить Ариадны,
И в глубине -
Великая тайна счастья.
Потом опьяняли иные дни,
Иные закаты, дожди и ветры.
Я встретил глаза.
Я узнал:
Они.
Единственные на свете.
Они.
Я почувствовал сердцем: мне бы
Без них, лучезарных, не жить и дня,
Как жить невозможно без хлеба, неба,
Солнца щедрого и огня.

ЕЁ РУКИ

Руки любимой!

Закат зачах.
Ночь опустилась над дымным полем.
Все чаще, все глуше круги в очах
От нестерпимой боли.
И мнели:
"Как странно.
Еще живой.
Когда же закончатся эти муки?.."
Но вот ко мне прикоснулись руки
Пропахшие снегом, сухой травой,
Запахом детства, таким далеким,
Запахом святого чебреца.
Прикосновеньем коснулись легким
Сердца,
продрогшей души,
лица.
Женские руки.
И боль ушла.
Боль испарилась как пар морфина.
Мощь исцеляющая была
В розовых пальчиках этих длинных.
Поэты в сравненьях своих вольны.
Мне б женские руки сравнить хотелось
С прикосновеньем морской волны
К испепеленному зноем телу.
Сравнить со спасительным родником
В пустыне губительной и бесплодной,
С целебным, врачующим боль цветком -
Аронией черноплодной.
С тех пор я целую у женщин руки
Как сверхсовершенное в мироздании.
В них – счастье земное,
В них – свет,
В них – звуки,
В них – сладкая боль страданья.

ЕЁ ГОЛОС

Голос любимой!..

Стена палатки.
Низко нависший угол.
В мыслях – провалье.
На теле – латки.
Темень черная будто уголь.
Призраки.
Смутный квадрат окна.
Тяжесть вспотевшего одеяла.
Мир бездыханная тишина
Мертвенностью сковала.
Время свои потеряло формы:
Полночь ли,
Утро ли наступает.
Резкий запах йодоформа.
В темени – боль тупая.
Нет ни желаний, ни дум, ни страха.
Как выбитый вянешь колос.
И вдруг -
Вдохновенной сонатой Баха
Нежный
Пролился
Голос:
– Спите...
И сердце ровней забилося,
Уверовав в воскресенье.
– Спите...
Волшебное слово было
Надеждою на спасенье.
С тех пор этот голос в душе ношу.
Голос моей любимой.
Им наслаждаюсь, живу, дышу
Его воспеваю в гимнах.
Он музыкой в сердце моем звенит,
Как нежный ноктюрн Шопена,
Он в светлые дали меня манит,
Где нет ни оков, ни плена.
И в самый последний предсмертный миг,
Когда оборвутся земные нити,
Я скорбный и светлый увижу лик
И сердцем услышу:
"Спите..."

И ЧТО ПОДЕЛАЕШЬ?

Смывая наледи с лугов,
Дождец заплещет постный.
И солнце в поисках снегов
Прочесывает сосны.

Над ивняком зазывный грай
Грачиного свиданья.
И сердце полно через край
Тревог и ожиданья.

Один по улочке иду,
Промеривая лужи,
Слагаю строчки на ходу
О пережитой стуже.

Ручей со взлобочка бежит,
Звенит в лощинке тая,
Вся в легкой падыми лежит
Долина Золотая.

То вдруг очнусь как после сна
Иль долгого недуга.
Черт подери!
Опять весна
И синий ветер с юга!

Ласкаюсь к солнечным лучам,
В поток ступаю мутный.
И улыбаюсь мелочам,
И радуюсь чему-то.

То помрачнею, загрущу
И взглядом провожу я,
Как будто век ее ищу,
Красивую, чужую.

Красивых делает весна
И изобилье света.
А кто она, а что она -
Земное чудо это?

Для счастья ль вспыхнул первоцвет,
Иль в жизни худо будет?
Добра на много, много лет
Желаю добрым людям.

А ночью лунной не до сна,
Туманит мысль тревога.
И что поделаешь?
Весна.
А их – не так уж много.

В ЛЮБВИ МЫ ЧАСТО ТАК НЕСОВЕРШЕННЫ

В любви мы часто так несовершенны,
Не Ангел правит чувствами, а бес.
На женщину не смотрим так блаженно,
Как на подарок, посланный с небес.

А у любви большой отвесны стены,
И высока она как Эверест.
Любовь имеет жертвенный оттенок,
Через нее просвечивает Крест.

А ТЫ ПИСЬМА НЕ ЖДЕШЬ НАВЕРНЯКА

А ты письма не ждешь наверняка,
Себя на ожидании не ловишь.
Не потому ли дрогнула рука
И прервала письмо на полуслове.

Я чист перед тобою, я не лгу.
Бывало в жизни всякой непогоды,
И как цветы на скошенном лугу
Уже мои привянут скоро годы.

Но сердцем я ничуть не постарел
И зов его по-прежнему не странен.
Я столько в жизни пламенем горел,
А вот теперь – осколком в сердце ранен.

Но не залечишь раны этой ты.
В сиделки не годятся недотроги.
И пусть желтеют белые листы
Письма, не увидавшего дороги.

ОПЯТЬ, ОПЯТЬ РУЧЬИ БЕГУТ

Опять, опять ручьи бегут
И вербы бусы вновь одели.
И мы сидим на берегу,
Как много лет назад сидели.

И как тогда – в руке рука,
И половодье чувств во взглядах...
Разгоряченная река
Из берегов выходит рядом.

Вот так и мы: настанет зной
И листопад в багряном дыме,
И холод вьюги, но весной
Душой мы будем молодыми.

МЫ ЕЩЕ ПОЖИВЕМ

Мы еще проживем.
Исцелились давнишние раны,
Огрубели, в узлы завязались рубцы...
Над подталой землей
Откуражились с мартом бураны
И как давняя сказка
Вернулись сегодня скворцы.

Если верить скворцам,
То весна колобродит в природе,
Если верить годам -
Передрогнет душа на ветру.
Только я не из той
Тонкожилой и слабой породы
И от ветхости я
Никогда не умру.

Всё бывает:
И боль по ночам отзовется,
И почудится зябкая залежь в крови.
А умру я легко -
Сердце просто взорвется
На ходу, на бегу
От избытка любви.

ТРОПКА

Я стою на косогоре.
Тесно сердцу моему.
То ль на радость, то ль на горе -
От волненья не пойму.

Подо мною – Днепр рокочет.
Над Днестром плывет весна.
Иву ласково щекочет
Ветра синяя волна.

Замирает сердце робко
Оттого, что по меже
Не уводит к милой тропка,
Тропка стаяла уже.

КОГДА КУРАНТЫ ПОЛНОЧЬ БЬЮТ

Когда куранты полночь бьют
И старый год уже в минувшем,
Когда друзья за счастье пьют,
Солдат убитых помянувши,
Когда на смену тишине
Ворвутся праздничные звуки -
Опять из прошлого ко мне
Она протягивает руки.
Она в семейный входит круг
Минутой горького молчанья,
Воспоминаньями подруг
И песней, спетой на прощанье
Тревожной ночью.
Полинял
Местами глянец на портрете.
Буран угрюмо пеленал
Новорожденный сорок третий.
Метался ветер в сосняке,
О ветку мерзлой хлопал веткой.
Она с кошелкою в руке
Ушла в опасную разведку.
Ушла, не чувствуя беды,
В неразбериху непогоды...
Не замели ее следы
Ни выюга лютая, ни годы.
Ей клятву верности дает
Душа торжественно и строго,
Когда на Спасской полночь бьет
И год грядущий у порога.
Пока живу – живет она
В воспоминаньях, в добром слове,
Ведь та проклятая война
Всю жизнь стоит у изголовья.

ЗАРНИЦЫ

Если колос еще не зернится
И у ивы коса на груди,
И в пол-неба пылают зарницы
Значит лето еще впереди.

Столько лет у тебя за плечами
И уже подрастают сыны,
И уже навещают ночами,
Беспокоя, тревожные сны,

И уже ты не та озорница.
Но себя хоронить погоди:
Если сердцу тревожно в зарницы
Значит молодость есть впереди.

Я ИДУ. ВДЫХАЮ ДУХ ЕЛОВЫЙ.

Я иду.
Вдыхаю дух еловый.
Так легко.
И не о чем жалеть.
Каждый миг хочу запечатлеть,
Душу перелить в живое слово.

Все мы гости в жизни нашей краткой.
Но как воздух женщина вдохнет
Грусть мою.
И, может быть, украдкой
Обо мне задумчиво вздохнет.

ТЫ ВСЯ ДЛЯ ГЛАЗА

Ты вся для глаза, вся для глаза,
Смотри, замри и не дыши,
Иль кисть хватай и для показа
Портрет красавицы пиши.

Ты покорить умеешь сразу.
Но упиваться не спеши:
Ведь ты для глаза, лишь для глаза
И ни крупички для души.

ГЛУБИНА

Дразнящий ловкостью и смелостью,
Мол, нам ничто не вновину.
Манил ее мальчишка с мелкости
В стихию волн, на глубину.
Манил решительно, отчаянно,
С лихой ухваткой сорванца.
А взгляды встретятся нечаянно -
Потупит синие глаза.
Смеялась звонкая и гордая,
Слепила прелестью нагой.
Но колыхнулась почва твердая
Под оступившейся ногой.
Неловко ей чуть-чуть и боязно.
Кипит, клубится глубина.
И как к спасательному поясу
К нему бросается она.
Слепило солнце, кручи плавило,
Плескалось в стрежени реки,
Как миражи под солнцем плавали,
Качались пляжные грибки.
На пляж, где все телами вымято,
Под изумрудный смех волны
Вернулись светлыми какими-то
От ошущенья
Глубины.

НА ПОКОСЕ

Сонно вздыхает отара.
Гаснет костер чабана.
Словно горящая фара
Щупает копны луна.
Ветер задышит надсадно —
Лижет запекшийся зной.
Тише!
Уставшая за день,
Девушка спит под копной.
Жарко рассыпались косы
Груди прикрыты платком...

За ночь доспевшие росы
Пахнут
парным
молоком.

ДОЖДИНКА

Шел дождь.
Атация цвела.
Заря поменялась в подпалах.
И ты волшебницей была,
Ты словно радуга сверкала,

Но дождь прошел.
Закат зачах.
Улыбкой брызнул взгляд лучистый.
А ты ушла,
Чтоб жить в стихах
Дождинкой радостной и чистой.

ПОСЛЕ ГРОЗЫ

Еще стонал лозняк прибрежный,
Дышал тревожно, горячо...

Ушла.
Так гордо, так небрежно
Косу закинув за плечо.

Ушла, в смущении напрасном
Потупив влажные глаза,
Непостижима и прекрасна,
Как уходящая гроза.

СНЕГОПАД

Осенним днем в лесу раздетом,
Когда дохнули холода,
Мне показалось: счастье где-то
Запропастилось навсегда.

Не так мечталось, говорилось,
И пелось как-то невпопад.
Но небо словно растворилось
И хлынул белый снегопад.

И все опять как в мае было:
Огни манили далеко,
По-молодому сердце билось
Опять тревожно и легко.

И стала мне дорога в радость.
И верил: нет у ней конца.
А снег все падал, падал, падал,
Стекая струйками с лица.

КАК ТЫ ТАМ?

Затоскую по прошлым годам, -
Налюбиться с тобой не успели мы.
Я уйду – припадаешь к следам.
Ты уедешь тоскую неделями.

Но забвенью тебя не отдам.
Песню лучшую только запели мы.
Как ты там, без меня, и
Как ты там,
Дорогая, за синими елями?

И ВСЕ НЕУТОЛИМЕЙ ЖАЖДА ЖИТЬ

И все неутолимей жажда жить.
С годами жить полней и откровенней,
Учась секундой каждой дорожить,
Вмещаю вечность целую в мгновенье.

Зачем же мы с тобою иногда
На пустяки, на вздор мгновенья гасим,
Как будто в жизни нашей не года,
А вечность непочатая в запасе?

ОТ ЖИЗНИ МНЕ НИ ПОНЮШКИ НЕ НАДО

От жизни мне ни понюшки не надо,
Она и так до боли хороша.
Прошедшая круги земного ада,
Всю жизнь добро творит моя душа.

Наград не ждал, их никогда не будет.
Таков уж на земле обычай злой:
За все добро, содеянное людям,
Они платили злобой и хулой.

РУЧЕЙ ГОРЯЧ

Ручей горяч.
Он любит звон.
Спокойна полная река.
В глазах у юноши – огонь.
А свет -
В очах у старика.

ЖИВИ, ВО ВСЕМ ЖИТЕЙСКОМ РАСТВОРЕН

Живи, во всем житейском растворен,
Не подменяя дела разговором,
Как будто к смерти ты приговорен
И завтра -
исполнение приговора.

О ВЕРЕ

Не есть одни молитвы – вера
И целование креста:
Ты изгони из сердца зверя
И отыщи в себе Христа.

ЖИЗНЬ СТРАШНУЮ ПРОЖИЛИ МЫ

Жизнь страшную прожили мы.
Мы – все эпохи нашей слепок...
Во времена всеобщей тьмы
И мудрецы бывают слепы.

БОЛЬШАЯ РЫБА ЗЕРКАЛО ПРУДА

Большая рыба зеркало пруда
Не замутит.
Ее удел – глубины.
Там холодна прозрачная вода,
Там давит груз неслыханный на спины.

А мелочь из семейства пескарей
Щекочет перемасленную воду.
И упоенной думается ей,
Что ведь она и делает погоду.

ТАЕТ СНЕГ

Чахнет снег в заувее.
Гнезда скворушки вьют.
И ручьи все резвее
По улогам поют.

Первый шершень летает.
Скоро брызнуть траве.
Тает снег.
Да не стает
На моей голове.

ЭТЮД

Вдруг пахнуло в душу давним, давним,
Словно снова в детстве побывал...

Ряской отороченные плавни,
В небо уползающий увал.
Шаловливо камни обтекая,
Пенится, кипит поток седой.
Платице повыше подтыкая,
Женщина склонилась над водой.
Солнце на изломах волн играет,
Множит отражение свое.
Статная уралочка стирает
На мостках воздушное бельё.
Вот и все.
Река, мосточки, плавни,
Зной июньский, женщина, увал,
А пахнуло в душу давним, давним,
Словно снова в детстве побывал.

АВГУСТ РЯСНЫМИ РОСАМИ

Август рясными росами
Умывает луга.
По раздолью покосному
Разметались стога.

Над протокой склонилась
Луговая ветла,
Грустно лист обронила
И притихла, светла.

В тишине предосенней
Вновь почудилось ей,
Будто ветер весенний
Треплет кудри ветвей.

ПТИЧНИЦА ДАША

Даша всем хороша собой.
Вот выходит она с ушатом.
К ней несутся наперебой
Голенастые петушата.
Белым-белые, будто снег,
Тихо выпавший на рассвете.
Всем им хочется ласк и нег,
Все доверчивые как дети.
А на Даше – белый халат.
Белозуба улыбка Даши.
И шагам ее мерным в лад
Петушки желтолапо пляшут.
Даше шага ступить не дают,
На колени сигают, черти.
И поют ей, поют, поют.
А она их готовит
К смерти.

КАТАЛЬПА

Она стоит черным-черна,
Как будто в битве обгорела.
Стоит как мертвая она
Под майским ветром ошалелым.

Но нарядит катальпа ветви -
То станет вся – краса и статья...
Ведь чем прекраснее соцветья
Тем им труднее расцветать.

УЖЕ И ЛУГ ОСЕННИЙ ПУСТ

Уже и луг осенний пуст,
И ранит душу крик утиный.
Ловлю любовь, как голый куст
Хватает нити паутины.

Не ухмыляйтесь, я не лгу, -
Они в любви жадней, седые...
Пока еще любить могу – не спеша.
Живу, как в годы молодые.

КОЛОДЕЦ ТЕМНЫЙ – ЖЕНСКАЯ ДУША

Колодец темный – женская душа -
Тем глубже – тем вода светлей и чище.
Мы ж сверху красоту порою ищем,
Постичь до дна глубины не спеша.

ЛЮБИТЬ ДО СМЕРТИ НЕ ЗАЗОРНО

Любить до смерти не зазорно.
Я верен истине простой:
Что мнится разуму позором,
То сердцу -
Чудной красотой.

СПЕШИ ЛЮБИТЬ

Спеши любить.
Неси нелегкий крест.
Не отвергай ни радости, ни муки.
У нас для счастья времени в обрез,
У нас с тобою вечность для разлуки.

ПРОШЛА, ЗАЗЫВНО УЛЫБАЯСЬ

Прошла, зазывно улыбаясь,
В земной, бунтующей красе.
В руке – косынка голубая,
Фиалки ранние в косе.

Прошла, ни слова не сказала,
Лишь жарким взглядом обожгла.
И мне впервые показалось,
Что это молодость прошла.

ВОТ И СГАСЛИ НА ПАЖИТЯХ РОСЫ

Вот и сгасли на пажитях росы,
Подрумянился "белый налив",
Заплелись и покоятся косы
На плечах у задумчивых ив.

Ветер бьет на проселках баклуши,
То накинется вихрем врасплох.
И подсолнух, развесивши уши,
От похвал воробьиных оглох.

Мягким, мягким, ласкающим светом
Паутинная соткана нить...
Счастлив тот, кто янтарное лето
Может в непогодь в сердце хранить.

ОЛЬШАНКА

Ольшанка!..
Был вечер хороший,
Река отражала покой.
И девушка в платье в горошек
Печально махала рукой.

Прощаясь, мы верили оба,
Что счастье от нас не уйдет,
Что любим друг друга до гроба,
А время – оно подождет.

Но трижды пожухли отавы
И трижды гнездились грачи.
А счастье – на завтра оставишь -
То завтра его не ищи.

Лишь память как ржавчина точит
Название чудной реки,
Твои искрометные очи
Да взмах лебединый руки.

СИРЕНЬ

Сирень шепнула мне с укором
В благоухающем саду:
"Не рвешь?
А я увяну скоро,
Ведь я лишь миг один в цвету.

Своих желаний не скрывая,
Ты слышишь, слышишь, я зову:
Сорви!
Когда меня срывают -
Я полнокровнее живу..."

ЕСТЬ СВЕТЛАЯ РАДОСТЬ В ПЕЧАЛИ

Есть светлая радость в печали.
Последних минут не мутя,
Мы как-то негорько прощались,
Как будто прощались шутя.

Но грозно взревели моторы
И ты растворилась в пыли.
Какие земные просторы
Уже между нами легли!

Протянешь тревожные руки -
И нет никого, пустота.
И сутки привянут в разлуке,
Остынут в разлуке года.

Но долго, как в самом начале
Нам чистое чувство беречь...
Есть светлая радость в печали
Земных расставаний и встреч.

ОПЯТЬ ЗАПАХЛО СНЕГОМ ТАЛЫМ

Опять запахло снегом талым
И обсыхающей корой...
Я грустным был.
Я был усталым,
Я безразличным был порой.

А нынче – снова захотелось
Любви опасной и большой...
Чем больше старимся мы телом -
Тем больше юноши душой.

ПЕСНЯ

Подышать вечеровой прохладой
Ухожу я один под луну...

Две тропинки стекаются рядом
И никак не сольются в одну.
Две тропинки бегут по заречью,
Удаляясь одна от другой.
Я иду и мечтаю о встрече
И тебя лишь зову дорогой.

Все бессмысленней наши свиданья.
Но, печальный платок теребя,
Подари мне минуты страданья -
И порадуя песней тебя.

В ЗНОЕ ГОРЕЧЬ СКОШЕННОЙ ПОЛЫНИ

В зное горечь скошенной полыни.
Милый Саша, с почтой заказной
В городок на Южном Сахалине
Напишу тебе про этот зной.

Ты прочтешь, и в душу жарко хлынет
Августом медово-наливным,
Синим ветром милой Украины,
Бесконечным, солнечным, родным.

Хлынет в душу детством синеблузым,
Перегретой хвоей смоляной.
И волна пролива Лаперуза
Прозвенит днепровскою волной.

ИЮЛЬ БЕЗГРОЗЫЙ НА ИСХОДЕ

Июль безгрозый на исходе.
От зноя выцвела трава.
Медвяным запахом исходит
Слегка привядшая листва.

В раскраске утра перемены.
Все вдохновенней вечера.
Цветенью пышному на смену
Приходит зрелости пора.

МЕСЯЦ ЛОМТЕМ ДЫНЬКИ

Месяц ломтем дыньки
Выплыл, светл и ясен.
В зеркало Ирдынки

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.